

М. О. МЕНЬШИКОВ

Оторванный атом

15 июля

Прочтя статью В. В. Розанова о Руссо, я почувствовал то же угрызение совести, что и он: неужели я останусь настолько неблагодарным великому философу, что не скажу и двух слов по поводу его 200-летнего юбилея?¹ Если Руссо один из тех таинственных пришельцев в мире, которые заставляют все человечество гордиться ими, то особенно заинтересованы в этом писателе должны быть мы, публицисты, ибо Руссо был человеком нашего призвания: он был публицистом с головы до ног. Его романы и социологические трактаты — чистейшая публицистика, и именно такая, какою она должна быть, чтобы волновать читателей. К сожалению, гениальный талант не такая вещь, которой можно выучиться, как счетоводству. Тут даже рабское подражание обрекает вас на участь рабов, на участь актера, играющего королей. Но мне кажется, все писатели, а особенно моей профессии, должны в молодости изучать Руссо. Провести через свою душу этот огромный, как бы метеорный поток мыслей, насыщенный страстью, с непрерывным «дождем падающих звезд» — ярких мыслей и образов, — провести чрез свою душу Руссо — это значит пережить благодетельное потрясение, оставляющее след чего-то нездешнего на всю жизнь. И если вообще существует школа для умственного развития, то публицистике, как и мыслящему обществу, нельзя миновать Руссо. Он один из первых в эти века — в века свержения — показал могущество гениального пера. Он один из первых разбудил европейское общество к свободному мышлению, открыв эру философствующего человечества. До него было религиозное и эстетическое

общество. Руссо был чуть ли не первым типическим интеллигентом, главной страстью которого являлось — как в века софистов — размышление. К сожалению, я прочел только некоторые (наиболее знаменитые) сочинения Руссо, и это было уже давно, и теперь, сидя в деревенской глуши, я не могу возобновить их в памяти. Но это может быть и лучше: силуэты далеких вещей дают идею их иногда отчетливее, нежели ближайшее рассматриванье.

Что такое Руссо? Правда ли, что это был *отец* Великой французской революции? Мне кажется, он был скорее сын ее, один из первенцев стихийного движения, возникшего еще до его эпохи... Если Наполеон сказал, что «без Руссо не было бы революции»², то не надо забывать, что тому же Наполеону принадлежит изречение: «Через 50 лет Европа будет или казацкою, или республиканскою»³, что так блестяще не сбылось. При всей зоркости его гения Наполеону, как многим великим людям, доводилось высказывать иногда наивные вещи и совсем неверные. Руссо сыграл в революции блестящую роль — ну, как молния, после которой раздается гром, но ведь не молнии же делают бури, а то скопление электричества, которое вызывает молнии. Несомненно, что еще задолго до рождения Руссо революционный процесс начал слагаться и к эпохе появления энциклопедистов сложилась уже целая атмосфера идей совершенно громового характера.

Обратили ли вы внимание на любопытную черту в биографии Руссо — как он чуть ли не четырехлетним ребенком зачитывался вместе с своим отцом всевозможною тогдашнею литературою и между прочим — путешествиями на новые материка? Сколько помнится, отец Руссо был человек беспутный, кажется — часовщик по профессии, но страстный чтец и мечтатель, и эту же страсть унаследовал и болезненно развил в себе маленький Жан-Жак. Не столько в позднейших фактах бродяжнической жизни Руссо, сколько в этом первоначальном увлечении нужно искать ключ к его философии. Вообще люди слагаются очень рано, но особенно рано — гениальные люди. То, что пережито на заре сознания, может быть, составляет всю потенцию их дальнейшей жизни. Из страсти к чтению пожилого и беспутного неудачника-отца Руссо ничего не вышло — из той же страсти к чтению гениального мальчика вышел... новый Дон-Кихот, благородный ламанчский гидальго, предвосхищенный (как психологический тип) столетием раньше. В самом деле, Дон-Кихот помешался на идее рыцарства, начитавшись до одурения рыцарских романов. Оторванный

книгами от общества, Дон-Кихот начал вести бродяжническую жизнь под давлением неотразимой веры в то, что идея рыцарства — борьба со злом — благородна и осуществима. С развитием едва ли высшим, чем у гениального ребенка, деревенский дворянин *поверил книгам*, которые писали о злых волшебниках и великанах как о реальной действительности. Он поверил в чары и в подвиги потому только, что в представлении простых людей «книги не врут», и «если напечатано, то значит это правда».

Мне кажется, нечто подобное случилось и с маленьким Руссо еще в глубоком его детстве. Он начитался до одурения — не рыцарских книг, но тоже почти волшебных, — он начитался об открытиях неведомых стран, далеких материков, разбросанных в пустыне океанов, тропических островов, населенных как бы отыскавшимся потомством Адама и Евы: полуодетыми и даже совсем раздетыми людьми⁴. В. В. Розанов верно говорит, что исходная точка учения Руссо почти вся заключается в первых четырех главах книги Бытия⁵. Но книга Бытия к тому времени, когда родился Руссо, до такой степени принижалась всеми и отпечатлевалась в умах, что уже не действовала на них. Книга Бытия говорит о чем-то навсегда отошедшем, о золотом веке человеческого детства, о рае первобытной жизни, где все было невинное и все нагое, все обвеянное дыханием любви Божией и блаженством пробуждения. В течение тысячи лет католичество повторяло, что человек изгнан из рая, что, обреченный проклятию за первородный грех, он уже никак не может вернуться в Эдем иначе, как в будущей жизни, заслужив ее страданиями и самоотречением в настоящем. Эта тема была внимательно выслушана даровитой арийской расой и навела на нее наконец некоторое угнетение духа, почти безнадежность. Но ислам спас христианство. Арабы перевели греческих классиков. Турки выгнали из Византии последних греческих ученых, и *в глубине времени* Западная Европа открыла как бы потонувший прекрасный мир, мир языческих предков, достигавших красоты и счастья, пожалуй, не хуже тех, какими пользовались библейские правители. Олимп стоил Эдема.

Открытие древнего света — Греции и Рима было первым революционным потрясением в Европе, пережитым гораздо ранее рождения Руссо. Вторым потрясением христианского общества было открытие Нового Света. В *глубине пространства* вдруг как бы всплыли над океаном новые миры — с совершенно иными, невиданными цивилизациями и *даже*

вовсе без всякой цивилизации. Последнее обстоятельство показалось поразительным в высочайшей степени.

Первыми — конечно нечаянными, создателями европейской революции были не Вольтер и Руссо, а скромные учителя древних языков и отважные мореплаватели — Колумб, Магеллан, Васко-де-Гема, Кук. Их восхитительные открытия, казавшиеся живыми легендами, произвели коренной переворот в тысячелетнем мышлении католической Европы. Ведь еще за двести лет до Руссо выступает со своей «Утопией» Томас Мор: идея «*de optimo statu reipublicae*»⁶ захватила холодного англичанина, и он вывел образцовое государство где-то на вновь открытом острове. За целое приблизительно столетие до Руссо итальянец Кампанелла пишет другую утопию — о солнечном государстве. Подобно Вольтеру, писавшему о блаженной стране Эльдorado в Южной Америке⁷, вошло еще до Руссо в романическую моду изображать идеальную жизнь где-то за океаном. Современные Руссо — Мабли и Бернарден де Сент-Пьер описывали те же идиллические фантазии о невинном состоянии людей вне цивилизации, что легли в основу учения Руссо. У меня, к сожалению, нет под руками источников, но мне представляется вероятным, что среди множества сочинений, описывающих заокеанскую жизнь в фантастических красках, — на гениальное воображение Руссо могла особенно повлиять книга, сделавшаяся другом детства последних двух столетий, — я говорю о «Робинзоне Крузо».

Евангелие детства

Эта, поражающая детскую фантазию, книга появилась во всяком случае раньше выступления Руссо с его теорией первобытного блаженства. Если даже теперь эта книга не утратила способности возбуждать мечтательный ум (вместе с Купером и Майн-Ридом, де-Фо до сих пор гонит в Америку тысячи маленьких Робинзонов) — то можно себе представить, как воспламеняли подобные сказки мальчика-философа, мальчика-поэта, уже родившегося пророком и реформатором! Хотя правильного образования в детстве Руссо не получил, но это, может быть, и спасло в нем великого человека: схоластическая школа могла бы только придушить и обесцветить собственный рост его души. Однако маленькая школа, которую он прошел,

достаточно вооружила его латынью, чтобы прочесть классиков, — стало быть, весь тогдашний горизонт литературы был доступен его обзору. Начитавшись, повторяю, до одурения, — подобно Дон-Кихоту, — Руссо выступил в мир с такою же благородной, с такою же наивной мечтой. События его бродяжнической жизни немногим уступают приключениям ламантского героя по их причудливости и драматизму. Разве Руссо не нашел свою Дульцинею Тобозскую в лице отвратительной Терезы Левассер? Разве ему не приходилось переживать тысячи унижительных минут, как и упоительных, и разве он не производил впечатления благородного безумца?

Чрезмерная начитанность подавляет слабые умы и делает их ограниченнее, чем они суть по природе. Однако, начиная со времен пророческих, на развитии несомненно великих умов мы видим громадное влияние большой начитанности. Многие думают даже, что мудрецы лишь повторяют более древних мудрецов (слова Конфуция)⁸. Стоит развернуть Коран, чтобы оттуда пахнуло Библией, стоит развернуть Руссо, чтобы от него пахнуло духом Возрождения и Реформации, духом идей, уже целые столетия до Руссо в существе своем революционных. Не он создал великую революцию, а она его, как она же сотворила по образу своему и подобию современников Руссо — других великих энциклопедистов. Но в чем же заслуга Руссо, в чем его право на удивление человечества?

Заслуг за великими людьми можно, если хотите, не считать никаких. Они, как апостолы, даром берут, даром отдают. Руссо просто отразил в себе, как алмазная капля росы, весь окружающий его мир, мир идей, уже носившихся в воздухе, уже рвавшихся к бытию. Роль его в том, что он отчасти высказал, отчасти пересказал эти идеи с лирической страстью, с тою пленительной для современников красотой, в которой секрет таланта. Признаюсь, на меня ни «Новая Элоиза», ни «Общественный договор» вовсе не произвели потрясающего впечатления. Как это бывает даже у гениальных публицистов, у Руссо в романе слишком много рассуждения, а в философии немножко больше, чем нужно, парадокса. Современников Руссо это приводило в восторг, как та же манера современников Жорж Занд, но на нынешних читателей это красивое резонерство, этот утонченный анализ мыслей и чувств действует, мне кажется, несколько утомительно. Не знаю, мы ли отошли от благородной естественности мысли, или тогдашние философы, не исключая искреннейшего из них, были несколько жеманными, но их читают теперь, как классиков, без захватывающе-

го чувства. Совершенно незаметно мы, новейшие поколения, вобрали в себя, кажется, все идеи старой литературы, и они потеряли для нас прелесть откровения, прелесть первой любви. Руссо был одною из громадных волн тогдашней бури, но сколько волн и сколько бурь пережило европейское общество за 134 года со смерти Руссо!

Мне кажется, не столько философия, сколько жизнь Руссо останется бессмертной — настолько она интересна. Меня, по крайней мере, всего более трогало, что касается Руссо, именно его жизнь — беспомощная, беспутная в ореоле истинной гениальности ума и сердца. Ну да, — он был бродягой, ремесленником, лакеем, альфонсом знатных барынь, несчастным переписчиком нот, мужем скверной потаскушки, но он был и наставником народов и монархов. Он пресмыкался в низкой доле, но именно оттуда, из грязной лужи, воззвал к человечеству и взволновал весь мир. Он вовсе не был циничским философом вроде Диогена⁹ или нравственным бродягой вроде нашего Сковороды, но вместе с последним он почти имел право сказать: «Мир ловил меня, но не поймал»¹⁰. Дело в том, что Руссо сам с своей тощей котомкой и с душой, переполненной восторгом, шел в объятия мира. Он без всякой драмы грешил, без всякого усилия был добродетельным, — он, не долго рассуждая, ставил себя в унижительные и даже преступные положения, как и в героические. Я думаю, занятому великой мечтой, ему совершенно некогда было — как Дон-Кихоту — исследовать, в конюшню он попадал или в герцогский замок, и он легко смешивал то и другое. Если правда, что он собственных ребятишек отдавал в воспитательный дом, то до какой же внешней отрешенности доходила его душа! Если он, знавший, что такое любовь утонченных аристократок, довольствовался и развратной бабой, то до какого безразличия философского падал этот дух! Падал или *возвышался* — сказать точно не умею. Что он был очень грешный человек, это, конечно, бесспорно, но никто, кажется, не носил грехов своих так легко и почти с достоинством. Ах, разве это так уж важно — добродетели или пороки — для человека, как Руссо, *изнемогавшего* иногда от наплыва высокой мысли, для человека, переполненного чувствительностью, готового целовать землю и небо, до того они казались ему прекрасными. Но было нечто ужасное, с чем он сражался, странствуя. У Дон-Кихота это была иллюзия, у Руссо — действительность. Роль сказочного сторукого Бриарея¹¹ для Руссо играло живое тогдашнее европейское общество, которое

надо было разрушить. Надо было свергнуть аристократию, власть, собственность, надо было снять всякое неравенство, всякую культуру, ведущую к стеснению. Надо было восстановить род человеческий таким, каким он будто бы был создан и каким некоторые путешественники описывали дикарей, блаженных на своих тропических островах. Влюбленный в природу, Руссо не хотел признавать современное ему человеческое общество частью природы. Насколько он понимал тонко — до степени откровения — красоту мертвой действительности, настолько возмущала его живая действительность, человеческий быт. Его идеи о воспитании волновали мир, но они оказались искусственнее, пожалуй, самой схоластики. Его идеи об устройстве общества считались катехизисом революции, но мечтательность их доказана их смешным провалом: нищий философ, гордящийся нищетой, оказалось, проповедовал для торжества *буржуазии*...

Что такое Руссо? Он мне кажется живым атомом, которого книга оторвала от человеческой массы. Отсюда его особая энергия *in statu nascendi*¹², — заразительная энергия оторванного атома. И в себе самом, и в окружающих людях Руссо видел уже идущее крушение древнего общества, и, предупреждая факт, он спешил создать новое общество по своему образу и подобию. Как оторванный атом, он действительно чувствовал себя свободным — и думал, что это естественное состояние и масс. Но он ошибался: в массах атомы связаны, и без этой связанности нет жизни масс. Будучи оторванным атомом, Руссо чувствовал свое равенство подобным ему единицам и навязывал это равенство обществу. Но он ошибался: в общественных сочетаниях равенство пропадает и выступает организованность, требующая неравенства. Как оторванный атом, Руссо навязывал народу свою психологию, между тем у народа она иная. Подобно многим великим людям, Руссо говорил какую-то великую истину и одновременно великую ложь. Истина Руссо, мне кажется, состояла в том, что слишком старое и уже омертвевшее общество не могло держаться долго. Когда остались одни титулы и под ними исчезла соответствовавшая им работа — это стало напоминать выветрившиеся колонны здания, годные на одно лишь крушение. Это великая и важная истина, сослужившая человечеству службу. Но когда философ начинал диктовать природе и навязывать свои схемы — это оказалось ложью. Природа всегда не то, что мы о ней воображаем. Она то, чем *ей* быть хочется, — *ей*, а не нам. А ей вовсе не хочется быть уж

слишком мудрой, слишком доброй, слишком красивой и благоустроенной. Она ради каприза даже пророка своего и мудреца вроде Руссо предпочитает создать в виде «безумца, гуляки праздного»...

В. В. Розанов предлагает забыть Руссо, но он был таким интересным приключением в человечестве, которое забыть очень трудно — да и было бы жаль забыть. Может быть, в оторванном атоме — настоящая душа наша...

